

Кnygų lentynoje

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА НАСЛЕДИЕ. РЕЦЕНЗИЯ С ПРИМЕЧАНИЯМИ

Рец.: *Чепайтене Р.* Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 298 с.

Начну издалека: в конце сентября 2010 г., практически день в день с рассматриваемым изданием, вышла в свет моя собственная книга «Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь» (Минск: Юнипак, 2010. 184 с.). Одной из целей моей работы было закрыть теоретический вакуум белорусской гуманитарной науки по проблемам охраны и реновации историко-культурного наследия. Даже не то что закрыть – так говорить по меньшей мере не скромно – но хотя бы обозначить, что и на этом направлении ведутся у нас какие-то исследования, происходит осмысление актуальной проблематики. Иными словами, я последовал известному правилу – если необходимой книги не существует, придется ее написать. Надо сказать, я рад, что моя книга на пару дней обогнала книгу Расы Чепайтене, потому что в ней я нашел именно то, что так долго искал – научно изложенную, бескомпромиссную теорию наследия высокого интеллектуального уровня, вобравшую в себя все самые современные достижения этого направления исследований. Книга транслирует открытый европейский взгляд на проблемы памятников и их использования, не признающий закрытых или неудобных тем.

Раса Чепайтене – литовский автор, давно и успешно разрабатывающий теорию историко-культурного наследия, прошедший многочисленные стажировки в европейских университетах и, кстати, мой преподаватель. Думаю, что моя книга была написана совсем не зря, она

затрагивает массу иной, нежели у Р.Чепайтене, проблематики, более приближенная к белорусским реалиям. Но как знать, если бы не был я в свое время студентом Расы, возможно и не загорелся бы так охраной наследия, не увидел бы тех теоретических горизонтов, к которым сегодня стремлюсь.

Впрочем, речь далее пойдет именно об издании «Наследие в глобальном мире». Главная тема книги – постоянная, всепроникающая рефлексия автора по поводу собственных (профессиональных) взаимоотношений с памятниками, и попытка анализа этих субъектно-объектных отношений между экспертами и изучаемыми объектами. Автор пытается понять мотивы, особенности мыслительного процесса профессионалов от наследия.

Автора можно засчитать в продолжатели достаточно модного направления. Подобные исследования, анализирующие памятники и объекты наследия, появлялись уже не раз – наиболее известные в нашем пространстве авторы – Д. Лоуэнталь, П. Нора, Э. Хобсбаум. Анализ это тотальный, разбивающий изучаемый объект не просто на составные части, а на крупницы, песчинки и атомы экономических отношений, глобализации, интертеймента, идентичности и т.д., попросту говоря поступательная анатомическая «препарация» памятника.

В книге присутствует как хорошо развитая компилятивная часть, позволяющая адекватно оценить состояние европейской науки (это

особенно важно для нас, т.к. идеи 90 % цитируемых авторов пока не известны русскоязычному читателю), так и собственно авторские наработки и наблюдения.

Книга содержит три основных раздела.

В первом разделе «Наследие, память, история» автор рассматривает общее положение памятников в системе мировосприятия человека, анализирует эволюцию отношений общества и наследия, демонстрирует антропологический подход к его изучению.

Автор скрупулезно исследует взаимосвязь между трансформацией исторического сознания и бытующими в обществе практиками памяти: «Историческое сознание – присущая каждому народу независимо от его социальных и экономических условий жизни способность ориентироваться в прошлом, настоящем и будущем. Это переживание течения времени, умение присваивать ему смысл и им пользоваться. Словом, каждый человек является своего рода историком, потому что имеет хоть какое-то представление о течении исторического времени и своих связях с ним» (стр. 33).

В разделе «Наследие в контексте исторической культуры» автор вслед за Й. Рюезеном предлагает модель типологизации исторического сознания: 1) **Традиционный** тип, которому свойственно считать этические ценности и социальные нормы важнее течения времени. На новации тут смотрят недоброжелательно или с ними соглашаются лишь в том случае, если они не препятствуют традиционному образу жизни. 2) **Иллюстративный** тип исторического сознания. В данном случае аргументация поступков опирается не на традиции, а на «надвременные» принципы и правила. История понимается как прошлое, которое располагает кладовой полезных поучений (*historia est magistra vitae*). 3) **Критическому** типу исторического сознания присущ скептический взгляд на моральные ценности прошлого. Субъект, пытаясь решать дилеммы современности, связанные с ориентирами прошлого, критически анализирует сложившиеся нормативные стан-

дарты. 4) **Генетический** тип исторического сознания в отличие от трех предыдущих не пытается что-либо отбросить или сохранить во что бы то ни стало, а наоборот, подчеркивает особую связь прошлого, настоящего и будущего и старается объединить все эти перспективы времени и сравнить их с учетом изменения ценностей и взглядов» (стр. 33–34).

Каждому белорусу и особенно людям, ответственным за принятие каких-либо решений по памятникам, прежде чем формулировать собственное мнение на этот счет, следовало бы определить к какому типу относят они (мы) себя, и к какому типу относится их (наше) окружение. Подчеркиваю, что это следовало бы выяснять предваряя собственные раздумья о памятниках, но только предельно честно.

По словам антрополога О. Пуассона, которые приводит автор, изменяющиеся связи между обществом и его территорией, когда при внезапных социополитических переменах грубо отменяются прежние ценности, создают кризисы, которые требуют по-новому переосмыслить жизненное окружение. Тогда уничтожение остатков прошлого или признание их «наследием» может стать одним из возможных кодов этого переосмысления (стр. 38). Золотые слова.

Раздел об идентичности очень интересен, т.к. затрагивает ряд проблем в определении памятника. Часто памятник, его ценностные характеристики определяются именно через идентичность индивида, проживающего в определенной географической точке, и тем более через идентичность совокупности таких индивидов, если их представления о самих себе хоть сколько-то совпадают (*sic!* а это вообще-то и есть нация). Более того, бывает так, что именно идентичность человека – та **единственная** зацепка, единственный шанс памятника на «выживание». Но, скажем, Эйфелева башня и Египетские пирамиды – они ведь тоже присутствуют в нашей с Вами белорусской идентичности, возможно и попрочнее даже чем Сынковичская церковь. Получается, что

Эйфелева башня – это также элемент белорусского наследия? Не всемирного, это само собой, а именно белорусского, т.к. никто больше не ценит ее так, как белорусы (соответственно – никто не любит ее так как французы или как жители Аргентины). Значит ли это, что у каждой группы людей есть своя башня, или, экстраполируя, *видят ли различные группы разные объекты наследия в одном и том же материальном предмете?* «При изменении общественного сознания важным становился уже не сам памятник или артефакт, а отношение социума к нему и производимое им влияние на групповую идентичность различных уровней», – пишет на это автор книги (стр. 123).

И как прикажите тогда его охранять, развивать и интерпретировать на основании одного только признака идентичности? Имеют ли право французы демонтировать свою башню? Свою-то имеют, а вот нашу?..

Кстати, по поводу материального воплощения памяти: если в предшествующие годы им являлось некое символическое изваяние, статуя (в русском языке это и есть изначальный памятник), то теперь, в эпоху постмодернизма, в связи с небывалым развитием культуры наследия, автор выводит парадоксальную, но неожиданно верную закономерность: с течением времени в городах появляется все больше наследия, и все меньше памятников (статуй), как таковых.

В следующей части «Развитие охраны культурного наследия» автор делает акцент на общественной значимости памятников. Ведь именно это стало отличительной чертой современного их восприятия, в отличие, скажем, от восприятия XVIII в., когда памятник понимался скорее как прагматическое закрепление побед Государя. Здесь мы неизменно сталкиваемся с недостатком объективных критериев определения памятника, ведь сегодня им может быть все что угодно: «В понятии объекта охраны наследия понемногу происходил переход от «старого» к «не очень старому» (до современных произведений), от «величест-

венного и впечатляющего» к «более мелкому и повседневному», от «монументального» к значительно более широкому определению «памятника», включающему признание целостности природных, культурных и городских ландшафтов» (стр. 124).

Также автор затрагивает еще один важный аспект профессионализации охраны наследия. Обсуждения в интернете и на страницах бумажных СМИ показывают, что сегодня чуть ли не каждый обыватель чувствует себя компетентным в вопросе решения судьбы памятников. Вовлечение общественности – дело, несомненно, хорошее, но наше мнение состоит в том, что наследием должны заниматься профессионалы. Проблема же в том, что право на профессиональное отношение к наследию на постсоветском пространстве сегодня признается в основном только за архитектурным сообществом. Гуманитарии вынуждены вступать в своеобразную схватку за это дисциплинарное поле, пытаются ухватить часть ответственности в процессе принятия решений по наследию. Архитекторы отчаянно сопротивляются, (почитайте хотя бы полемику по поводу реставрации Каложской церкви в Гродно или отдельные тематические «наследийные» номера главного архитектурного журнала страны «Архитектура и строительство»), пытаются щелкнуть по носу, упрекая именно в некомпетентности, в то время как от результатов деятельности некоторых таких «профессионалов» просто терешишь дар речи. Да, мы – историки, философы, антропологи – не умеем подсчитать нагрузку на фундамент, определить точки напряжения свода и т.д. Но это не лишает нас права знать, понимать, исследовать наше наследие, и, как следствие этого, делать какие-то выводы, участвовать в его управлении не только на правах пользователя, но на правах профессионала. А это, согласитесь, уже качественно иной уровень доступа и ответственности.

В разделе «Индустрия наследия и его критика» помимо всего прочего дано интересное объяснение феномена туризма: «На самом деле,

посещение музеев и мест наследия сегодня все больше связывается с разнообразной культурной деятельностью (посещением концертов, театров или галерей искусства), которая в более ранние времена традиционно считалась потреблением роскоши. Однако при росте экономического благосостояния населения появилось все больше потенциальных потребителей культурной продукции из широких социальных слоев, что породило уже упомянутую демократизацию культуры вообще и наследия, в частности, и вместе с тем – его вульгаризацию. Другая точка зрения, объясняющая этот феномен, меняет местами причину и следствие и рост индустрии наследия считает близорукой эскапистской ностальгией, вызванной относительным упадком экономики в 70–80-е гг. XX в. в таких странах, как Великобритания, где она наиболее ярко проявилась. Однако в последнее время понятие «наследия» во многих странах настолько расширилось, что уже начали его «использовать для чего угодно, что, так или иначе, правильно или ошибочно, можно связать с прошлым».

Сам раздел проникнут почему-то нескончаемым пессимизмом, квинтэссенция которого, кажется, заключена в следующих словах: «Эти технологии формирования общественных и потребительских вкусов часто склонны игнорировать не только историческую правду, но и важное для интерпретаций наследия *этическое* измерение, имеющее прямую связь с непосредственным обучением на жизненном опыте прошлого. Вместо них пронизанное релятивизмом потребительское сознание особенно склонно обнаруживать *развлекательные* элементы этого не только материально, но морально «стерилизованного» «наследия», которые от его консумента уже не требуют ни ответственности, ни самостоятельного мышления».

Р. Чапайтене в этом разделе цитирует множество европейских авторов, которые прямо соревнуются между собой в пессимизме по поводу современного потребления наследия.

Да, подобный пессимизм – типичное проявление гражданской позиции многих видных представителей и нашей белорусской интеллигенции. Считается будто бы неприличным искать позитив, находить хорошие, положительные явления. И я сам часто ловлю себя на этом. А зря, ведь должен же быть какой-то луч надежды, тем более в книге монографического характера.

Впрочем, понять природу этого пессимизма можно. Теория наследия – изначально «спасательная», «пожарная» дисциплина, родившаяся и развивающаяся в настоящее время исключительно в схватке с вандалами (кстати, автор разбирает по косточкам и их, давая в соответствующем разделе блестящую классификацию). Как не прискорбно это звучит, но вандализм – хлеб теоретика. Не памятник как таковой и не историческое прошлое, но именно опасность его утраты стимулировала всех авторов на написание статей, эссе и книжек, того, что из пронзительного пафоса выливается в сложнейшую аналитику и в итоге кристаллизируется в научном направлении. Не будет вандалов – кто вспомнит о памятниках? Вот такие единство и борьба противоположностей.

Третья часть книги – «Проблемы интерпретации культурного наследия» включает в себя массу разнообразных тем, касающихся как собственно теории интерпретации, так и эксплуатации и развития в туристских и образовательных целях археологического, индустриального наследия, музейных экспозиций, тематических парков и историко-культурных ландшафтов. Лично мне наиболее понравился анализ экспозиции бельгийского музея в Ипре – вот бы нам когда-нибудь дойти до такого ценностно-ориентированного восприятия Великой Отечественной войны. Эта часть книги в целом представляется наиболее практически ориентированной, и вместе с тем она наиболее эклектична. Если ранее автор рассматривала достаточно узкие темы углубленно, то здесь она сконцентрировалась на кратком разборе тем очень широких.

Пожалуй, очень успешным, как по количеству заложенных идей, так и по авторской экспрессии, является заключительная часть – «Выводы и прогнозы на будущее». «Упомянутые процессы свидетельствуют об исчезновении критериев художественного или исторического качества памятника, ранее считавшихся наиболее важными. Сегодня уже нужно только, чтобы артефакт или недвижимый объект, который решают сохранить, может и не очень ценный с этой точки зрения, считался бы значимым для идентичности конкретной социальной, конфессиональной, этнической и иной группы. А это в свою очередь показывает интерес зрелого гражданского общества – не только государства, как это было раньше, – к охране культурного наследия и в общем смысле – качественно изменившееся состояние исторической культуры. В свою очередь это меняет и взгляд специалистов по охране наследия на смысл и цели их работы» (стр. 267).

Это такой своеобразный ответ устаревшему, постсоциалистическому представлению об объектах наследия, который, к сожалению, до сих пор бытует в наших странах. К несчастью часто носителями этого видения являются люди, ответственные за принятие решений по ценным памятникам. Если бы у меня спросили какую часть текста следует опубликовать на сайте Министерства культуры, то я бы без сомнения выбрал эту.

Так плавно перейдем к рассмотрению недостатков издания.

Книга изобилует массой всевозможных и обязательных для выбранной авторской повествовательной стратегии классификаций. И вот тут не обошлось без издержек – некоторые подобные классификации выглядят «натянута», просто как жонглирование терминами: например разделение наследия на памятник-сообщение, памятник-след, памятник-форму (стр. 42–43). Автор дает вроде бы достаточно подробное объяснение этим трем категориям, но чем подробнее дескрипция, тем более очевидно, что в чистом виде ни одного из

приведенных объектов не существует, все это относится к одному и тому же объекту.

Также в разделе «Наследие и идентичность» спорным выглядит выделение различных стратегий укрепления национализма по Д. Брауну: этнокультурная, гражданская, мультикультурная. В частности, не вполне понятно, как это согласуется с теорией наследия, которой в общем-то всецело посвящена книга.

Не согласен я также с тем, что скансен – это прообраз сохранения исторического города, что автор пытается вывести на стр. 138 книги. Кроме того, от охраны природного наследия до охраны культурных ландшафтов в современном виде – пропасть, и выводить второе из первого – чрезмерное упрощение.

Наибольшее количество спорных моментов содержит раздел, посвященный нематериальному наследию. Например, спорным кажется отнесение автором именно к этой категории культурных ландшафтов (стр. 153). В принципе такой подход может быть обоснован, и, вероятно, в США он себя оправдывает, однако хотелось бы увидеть более четкую авторскую позицию по данному вопросу. Однако в книге автор упоминает ландшафты в самых различных контекстах, и читатель может попросту запутаться. Вообще культурные ландшафты вполне заслуживают отдельной большой главы.

Автор пытается дать обзор нематериального наследия различных регионов мира, но в частности про Южную Африку написано только что там «нематериальное наследие охватывает устную традицию, часто связанную с притеснением и сопротивлением расовой сегрегации. Важность устной традиции в этом регионе определяется все еще сохраняющимся высоким уровнем неграмотности». И все, про Африку в этом смысле больше ничего.

Автор перечисляет основные угрозы нематериальному наследию, и неожиданно оказывается, что таковых только две: массовая миграция и развивающиеся технологии (стр. 156). Неужели это все?

Еще один недостаток книги – скорее композиционный. Иногда кажется, что автор пытается объять необъятное, и в рамках одной, не слишком «толстой» книги рассмотреть материальное и нематериальное наследие, во всех его проявлениях – от монументальной архитектуры, до «живого наследия» в Японии. По моему субъективному мнению, в книге, ставящей такую цель, все же явственно наблюдается перевес в сторону архитектуры. Остальные виды наследия рассматриваются там как будто в виде «приложения». Возможно, в композиционном плане следовало бы архитектурой и ограничиться, расширив, скажем фактологическую, иллюстративную часть, добавив авторских комментариев по отношению к тем или иным научным теориям, в изобилии цитирующимся в книге.

Наконец, есть претензии к издательству. Данная книжка – перевод литовскоязычной работы. Сама Раса Чепайтене русский язык знает только на разговорном уровне, а не на литературно-письменном, поэтому издательство вынуждено было обратиться к услугам профессионального переводчика (такого нашли в России). Трудно сказать, кто больше несет ответственность за встречающиеся ляпы – переводчик, который перевел текст может быть и достаточно точно, но не вполне литературно или издательство, недочитавшее рукопись и пропустившее в тексте массу лексических и даже смысловых ошибок. Бросаются в глаза очевидные ляпы, как то ошибки в знаках препинания, не всегда согласованные литературные предложения. Так, в ряде случаев слово античность употребляется в значении «прошлое». Например, предложение «В античности отсутствовала охрана материального памятника (стр. 53)» относится вовсе не к Древнему Риму, как можно было бы предположить. Здесь речь идет именно о прошлом, как таковом, и слово «античность» можно было заменить словом «раньше».

Или, например, такая фраза: «понятия «preservation» (сохранение) и «heritage» (на-

следие) часто ошибочно употребляются как синонимы» (стр. 125). Вот уж действительно ошибочно считать дееспричастие синонимом существительному.

Не очень в русскоязычной литературе распространен термин «городская археология» (если только речь не идет о раскопках). В значении же, употребляемом в книге, например на стр. 139, уместнее использовать дефиницию «историческая урбанистика». Также только некорректным переводом можно объяснить туманную фразу «Сегодня предпринимаются попытки предотвращения дихотомии и неравенства между Севером и Югом, Востоком и Западом, т.е. между «цивилизованным» (материальное, монументальное наследие) и «примитивным» (нематериальное, духовное наследие) мирами...» (стр. 151). Также сомнительно словосочетание «негосударственная организация» – ведь в русском языке устоялась другая форма – «неправительственная организация». Здесь указаны, конечно, не все ошибки – только наиболее яркие.

Отдельного упоминания заслуживает иллюстративный ряд. В книге даны 37 иллюстраций – как правило неплохого качества черно-белые фотографии тех или иных памятников. Однако никакой привязки к тексту в 80 % случаев обнаружить не удастся. Подписи – предельно лаконичны. Вот например под фотографией руин замка в белорусских Гольшанах на стр. 96 подпись гласит: «Руины Ольшанского замка в Западной Беларуси».

Однако все минусы издания блекнут перед тем фактом, что перед нами в сущности не просто монография на редкую, но чрезвычайно актуальную тему, но и первое русскоязычное издание, могущее служить учебным пособием.

Охрана наследия – это изначально часть большого общественного договора. Вся теория его охраны, с массой условностей, необъективных критериев и зависимости от настроения конкретных людей и сообществ, давно уже напоминает мне своеобразную игру (прямо по

Хейзинге). В таком случае данная книга – это некий расширенный свод правил, в отличие от учебника по основам реставрации – это свод правил для гуманитариев. Каков же смысл этой игры и конечная цель? Смысл – пожалуй, как всегда, в самом процессе, в том удовольствии, которое он приносит историкам, туристам, бизнесменам и т.д.

Наконец, книга наводит на ряд риторических вопросов: где же во всем это нагромождении наследия в современном мире пространство

для культурного и социального роста нового поколения? Неужели есть только два пути: мы будем рабами прошлого или варварами, уничтожающими историю? Как раз ответ на этот вопрос в книге не дается (да и возможен ли он?). Читателю предлагается подумать над этим самому, и это здорово.

Степан Стурейко
Европейский Гуманитарный
Университет (Вильнюс)